

ОРУЖИЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(к юбилею Ю.С. Худякова)

УДК 903.22

К.Т. Акматов¹, К.Ш. Табалдиев²

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

²Кыргызско-Турецкий университет Манас, Бишкек, Кыргызстан

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ (по археологическим данным)*

В статье на основе вещественных находок из погребений и случайных сборов, с учетом данных изобразительных источников, впервые характеризуется комплекс вооружения кочевников Тянь-Шаня монгольского времени и реконструируется облик легковооруженного воина. Отмечается сравнительно слабая представительность в памятниках региона предметов вооружения. Характеризуется их состав и условия нахождения в погребениях. Делается вывод о том, что основная часть войск кочевников Тянь-Шаня в монгольское время состояла из легковооруженных всадников, главным оружием которых были лук и стрелы, боевые ножи, кинжалы. Применялись сложно-составные луки трех типов, бронебойные, небронебойные и универсальные наконечники стрел. Наиболее часто использовались плоские наконечники, особенно ассиметрично-ромбической формы. Часть воинов могла обладать длинным клинком, прежде всего саблей, и (или) булавой, и (или) боевым топором. Судя по данным изобразительных источников и находкам деталей клинковых портупей, сабля была популярным средством ближнего боя. Из средств защитного вооружения кочевниками региона применялись ламеллярный панцирь, кольчуга и мягкие доспехи из войлока, кожи и т.д. Предполагается, что рядовые войска в силу доступности чаще использовали мягкие доспехи, чем металлические средства защиты. Основным результатом исследования явилась реконструкция облика легковооруженного воина.

Ключевые слова: монгольское время, Тянь-Шань, погребения, предметы вооружения, снаряжение воина, реконструкция легковооруженного воина.

DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-01

Предметы вооружения и снаряжения воинов из погребений Тянь-Шаня монгольского времени представлены остатками луков и стрел, налучьем, колчанами, ножами, кинжалами, панцирными пластинами и фрагментом кольчуги [Табалдиев, 1994; Anke et al., 1997, pp. 513–570; Акматов, 2017, с. 42–90]. В полевом отчете А.К. Кибирова [1954, с. 84–92] о раскопках погребений Центрального Тянь-Шаня рассматриваемого времени упоминается «прямой железный меч». Кроме того, из числа случайных находок в Чуйской и Таласской долинах к периоду развитого Средневековья относятся два наверху булавы и два топора [Камышев, 2004, рис. 1–3; Худяков и др., 2014, с. 197–208]. Весь этот материал представляет собой вполне репрезентативные источники для характеристики комплекса вооружения населения Тянь-Шаня в монгольское время и реконструкции облика воина, попытка чего предпринимается в настоящей статье.

Предметы вооружения, за исключением ножей и кинжалов, обнаружены только в мужских погребениях** с рядовым сопроводительным инвентарем. Абсолютное большинство находок представляют предметы и снаряжение дистанционного оружия: на-

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект №1.4539.2017/8.9).

** О погребениях Тянь-Шаня монгольского времени более подробно см.: [Акматов, 2017, с. 16–41].

конечники стрел (62 экз.), луки (5 экз.) и колчаны (4 экз.) (рис. 1–3). Расположение их в погребениях разнообразно: на правом или левом боку умершего. В двух случаях садачный набор, состоявший из наконечников стрел, лука и налучья, зафиксирован над скелетом погребенного. Полный набор оружия и снаряжение дистанционного боя – довольно редкая находка. Кроме отмеченных случаев, наконечники стрел, вложенные в берестяной колчан, и роговая накладка на лук были обнаружены лишь в одном погребении.

Состав предметов вооружения в погребениях разнообразен. Наиболее часто встречаются железные наконечники стрел или сочетание наконечников стрел и ножей. Реже отмечены наконечники стрел, лук и нож. В остальных случаях находки отдельных предметов вооружения и их разное сочетание представляют единичные случаи. Наиболее богатый набор предметов вооружения отмечен в погребениях могильника Боз-Адыр (костяные орнаментированные накладки на колчан, наконечники стрел и панцирные пластины) и Кара-Булун (костяные и железные наконечники стрел, берестяной колчан и железный меч).

Количество погребений, где было обнаружено оружие, по нашим данным, составляет 27 из более 100 раскопанных курганов Тянь-Шаня рассматриваемого времени.

Судя по находкам, основным видом оружия кочевников Тянь-Шаня в монгольское время служили луки и стрелы [Акматов, 2017, с. 42–57]. По своей структуре луки были сложносоставными. Их основу составляло дерево, на которое с помощью специального клея наклеивались слои сухожилий. В большинстве случаев на кибить крепились роговая накладка весловидной или удлиненно-прямоугольной формы, служившая для усиления рефлекторной силы лука и для укрепления мест соединения деревянных частей кибиты. Деревянная основа лука, судя по сохранившимся данным, состояла из двух или пяти частей, жестко скрепленных между собой способом «ласточкин хвост». Для скрепления всех деталей и предохранения от сырости и температурных колебаний лук обклеивался сыромятной кожей. Иногда на кожаную поверхность лука наносились красочные изображения животных, людей и орнаменты.

Наиболее часто кочевники Тянь-Шаня применяли луки с весловидными накладками на внутреннюю часть рукояти, известные в специальной литературе под названием «монгольских» (рис. 1.-1–3). Они обладали значительной рефлекторной силой, которая достигалась удачной комбинацией разных материалов: дерева, сухожилий, рога, клея. Благодаря своей небольшой длине, такие луки были удобны при стрельбе с коня на близкие дистанции. По мнению известных оружиеведов, скорострельность луков «монгольского» типа была выше, что позволяло конным стрелкам производить массивную интенсивную стрельбу [Худяков, 1991, с. 122–124]. На Тянь-Шане такие луки, надо полагать, появились вместе с отрядами монгольских войск во время расширения империи Чингиз-хана.

Судя по данным из могильника Сюттуу-Булак, наряду с луками «монгольского» типа кочевники Тянь-Шаня пользовались более длинными луками, состоявшими из двух или пяти деревянных частей, обклеенных сухожилиями (рис. 1.-8–9) [Акматов, 2017, с. 42–47]. Двусоставной лук имел роговую накладку с внешней стороны рукояти, видимо, для крепления мест соединения деревянных частей кибиты. По своей структуре и форме сюттуу-булакские изделия близки к лукам из памятников хуннуского времени в Восточном Туркестане, что свидетельствует об их генетической связи [Selby, 2002; Hall, Farrell, 2008, fig. 12–19]. В рассматриваемое время они удачно конкурировали с луками «монгольского» типа.

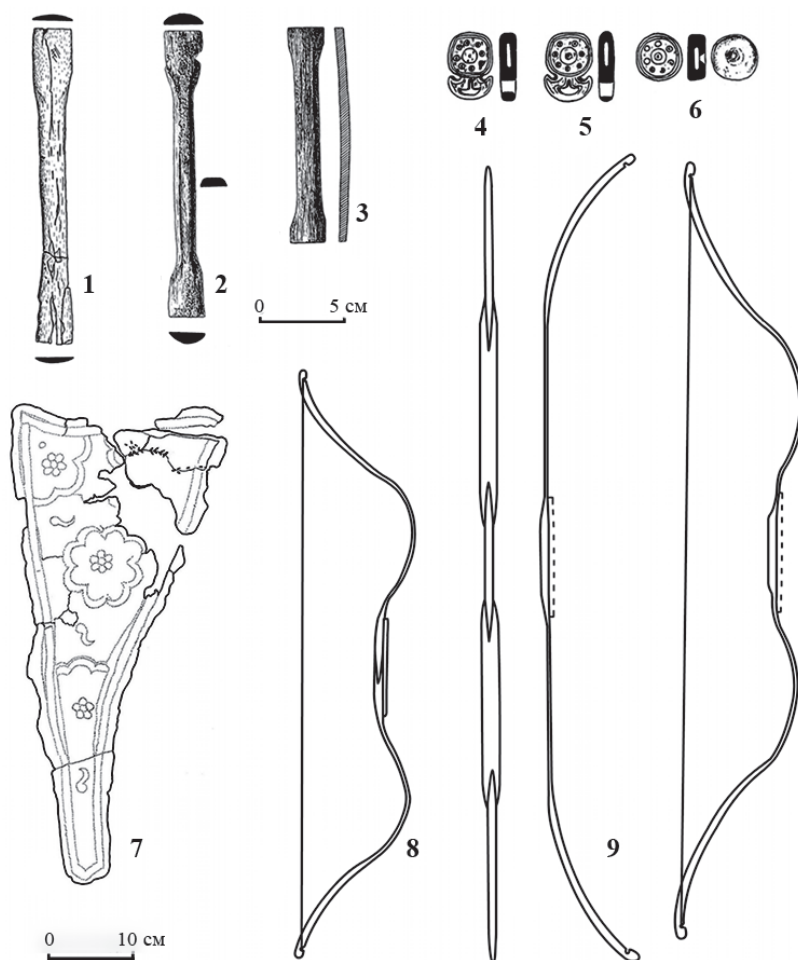

Рис. 1. Роговые накладки (1–3) и деревянные кибиты (8–9) луков, кожаный налuch (7), роговые обоймы (4–6) саадачного пояса из погребений (4–6, 8, 9 – без масштаба) (рисунки находок выполнены авторами)

Набор железных наконечников стрел кочевников Тянь-Шаня в монгольское время состоял из бронебойных, небронебойных и универсальных средств (рис. 2) [Акматов, 2017, с. 48–56]. Наиболее характерны плоские в сечении наконечники, ориентированные против не защищенных панцирем противников. Плоские стрелы включают ассиметрично-ромбические, секторные, секторно-четырёхугольные, удлинённо-ромбические, эллипсоидные, пентаграммные, полулунные формы и срезни (рис. 2.-1–10). Из них ассиметрично-ромбические наконечники составляют абсолютное большинство находок, что характерно для многих кочевых культур рассматриваемого периода. Остальные плоские формы, за исключением секторно-четырёхугольных, также имеют широкие аналогии на огромной территории степей Азии. Вполне возможно, что секторно-четырёхугольные наконечники являются местной тяньшанской формой, выработанной на основе секторных наконечников (рис. 2.-6).

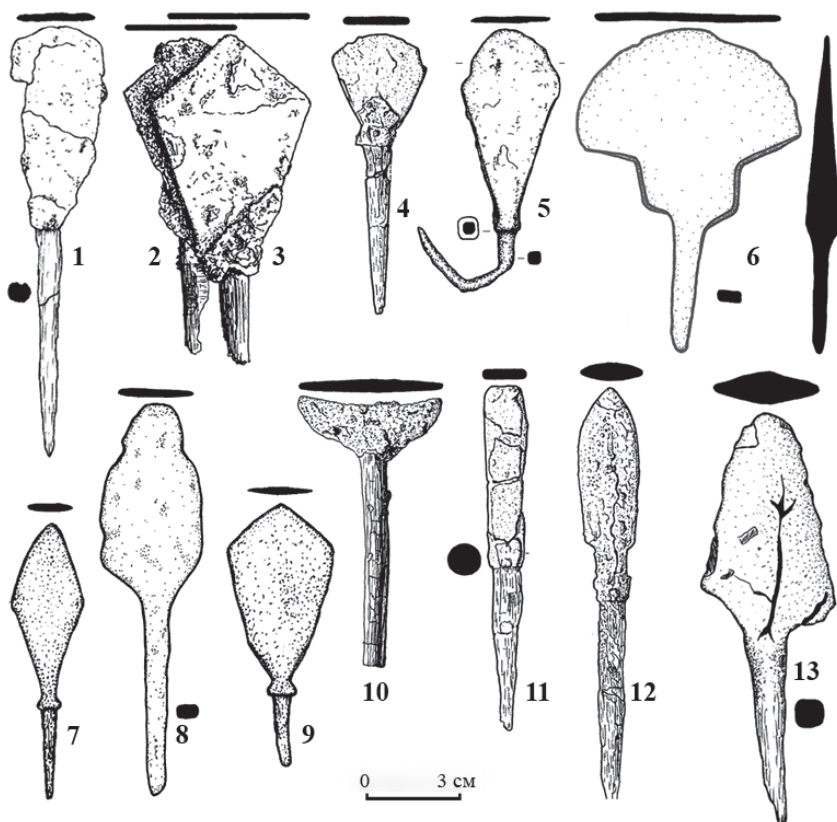

Рис. 2. Железные наконечники стрел из погребений и случайных сборов (рисунки находок выполнены авторами)

Броневойные наконечники представлены одним типом – прямоугольным томаром в двух экземплярах (рис. 2.-11). Такие изделия имели широкое распространение во многих культурах развитого Средневековья, особенно у кочевников Центральной Азии. В некоторых регионах, в том числе и на Тянь-Шане, прямоугольные томары представляют одни из основных средств против защищенных панцирем противников.

В группу наконечников универсального назначения, т.е. как против бездоспешного, так и облаченных в металлические доспехи противников, относятся линзовидные боеголовковые и ромбические эллипсоидные формы (рис. 2.-12–13). Первые из них, представленные четырьмя экземплярами, входят в круг изделий, распространенных на значительной территории степей Азии, прежде всего в Центральной Азии, тогда как ромбические эллипсоидные таковыми не являются. Несмотря на то, что ромбическое сечение и эллипсоидная форма пера известны в составе разных групп и типов, их комбинация в одном изделии нам ранее не была известна. Есть основания полагать, что перенос эллипсоидной формы пера на ромбическое сечение произошел на Тянь-Шане в монгольское время.

Луки хранились и носились в кожаных футлярах, повторяющих форму половины лука с натянутой тетивой и украшенных тисненым орнаментом (рис. 1.-7) [Акматов, 2017, с. 67–70]. Такое налучье сохранилось в одном из курганов Сюттуу-Булакского

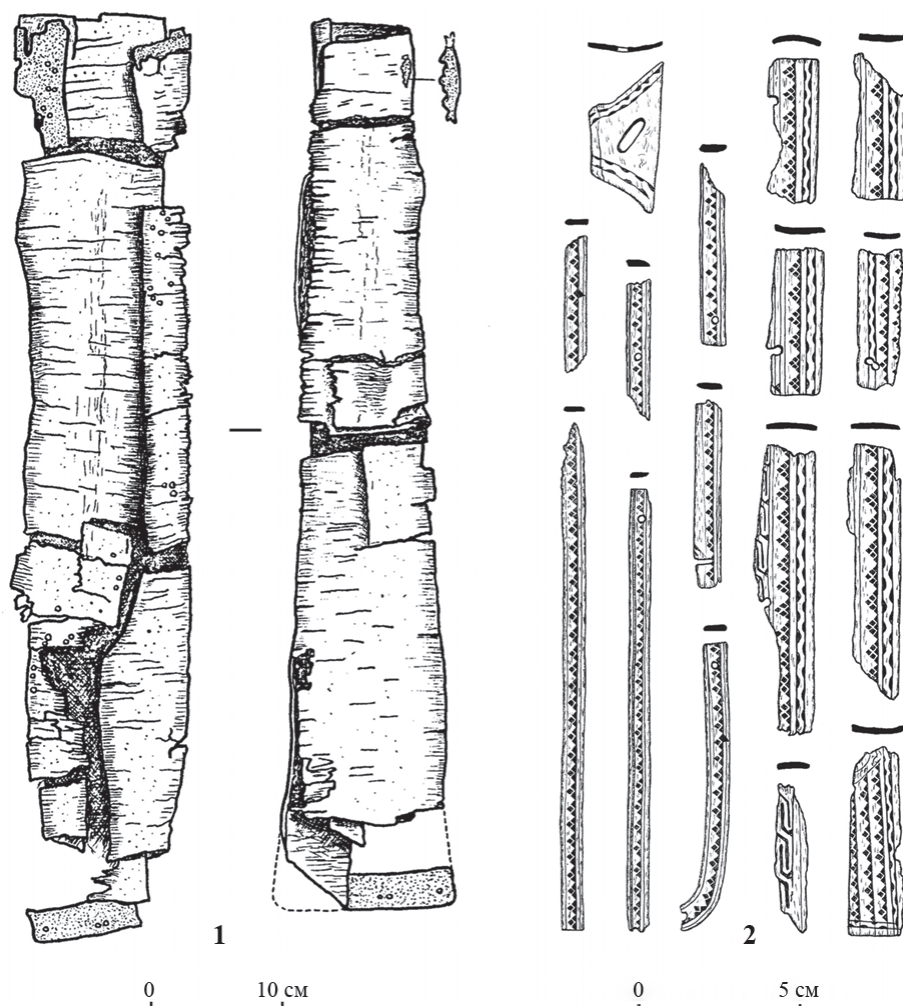

Рис. 3. Берестяной колчан (1) и роговые орнаментированные накладки на колчан (2) (рисунки находок выполнены авторами)

могильника [Табалдиев, 2011, с. 172]. Судя по средневековым изобразительным источникам, налучье носилось на левом боку лучника в наклонном положении горловиной вперед или назад (рис. 4) [Горелик, 2002, с. 48, 49, 57, 60].

Для хранения и транспортировки стрел использовались берестяные и кожаные колчаны (рис. 3; 4) [Акматов, 2017, с. 71–77]. В берестяных футлярах стрелы носились наконечниками вверх. По данным письменных источников, в один колчан в среднем вмещалось 25–30 стрел [Книга..., 1955, с. 212; Arab Archery, 1945]. Некоторые берестяные колчаны, вероятно, принадлежавшие особам высокого социального статуса, украшались костяными орнаментированными накладками (рис. 3.-2). Такие накладки были обнаружены в двух погребениях. Берестяной колчан, судя по иранским миниатюрам, подвешивался на специальном поясе, на правом боку лучника, в наклонном положении горловиной вперед (рис. 4.-2) [Горелик, 2002, с. 59, рис. 1, 8, 10, 14].

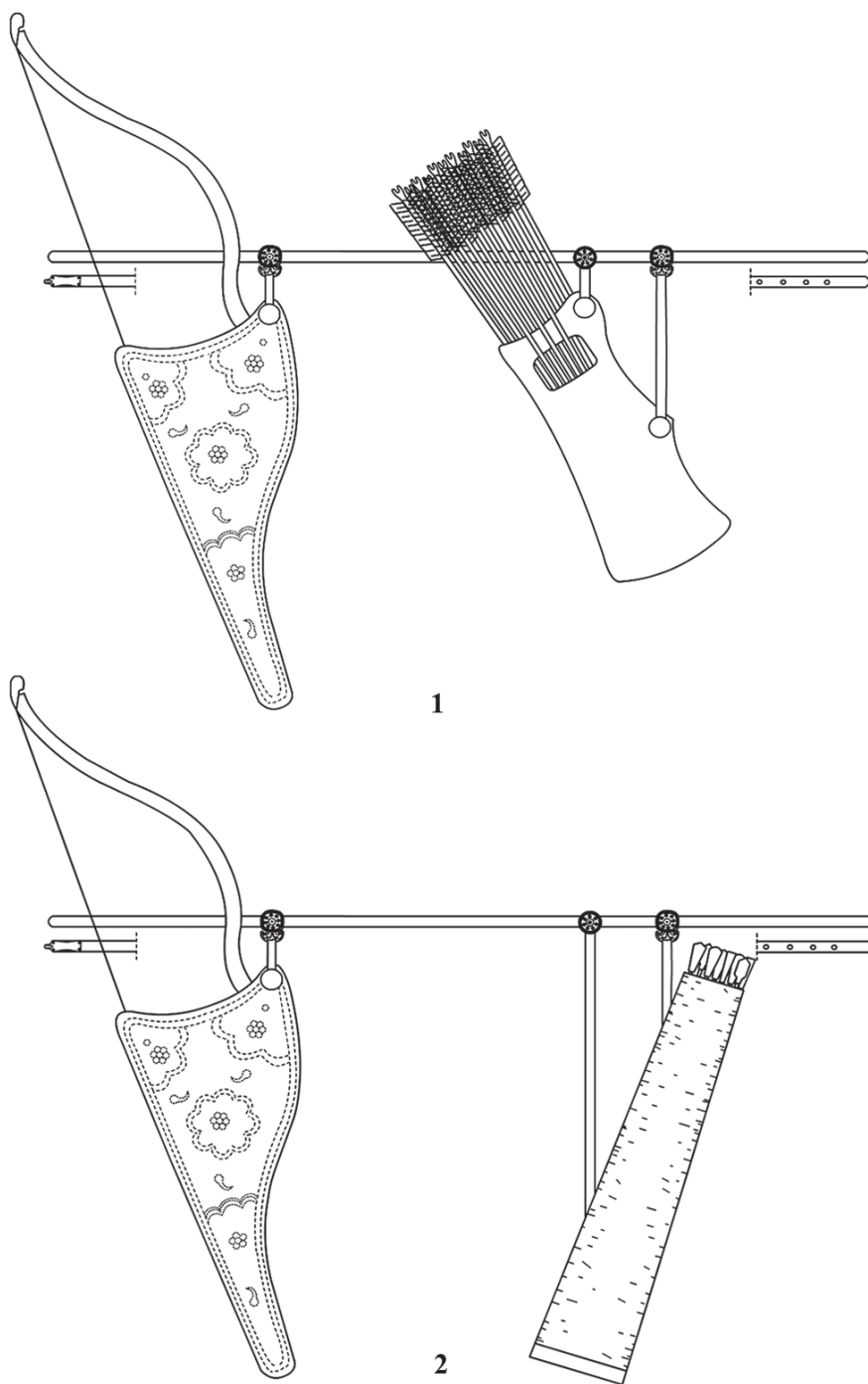

Рис. 4. Реконструкция саадаков кочевников Тянь-Шаня в монгольское время (по материалам погребений и иранских миниатюр XIV в.) (выполнена К.Т. Акматовым)

В кожаных колчанах стрелы хранились наконечниками вниз, оперением вверх, причем стрелы на треть веером выступали над срезом приемника (рис. 4.-1) [Горелик, 2002, с. 59, рис. 2.-16]. Некоторые экземпляры, судя по иранским миниатюрам, имели «окошко-карман» для стрел специального назначения. Кожаный колчан подвешивался на поясе, на правом боку воина в наклонном положении горловиной назад.

Несмотря на отсутствие конкретных данных, есть основания полагать, что в качестве одного из основных средств ближнего боя кочевникам Тянь-Шаня в монгольское время служили длинные клинки: сабли и мечи. Упомянутый в полевом отчете А.К. Кибирова «прямой железный меч» из-за отсутствия дополнительных данных и рисунка не может быть нами подробно рассмотрен. Однако сам факт находки в погребении меча представляет интерес, поскольку по сравнению с саблями длинные прямые клинки, судя по археологическим, изобразительным и письменным источникам рассматриваемого времени, были менее популярны не только в среде монгольских войск, но и в кочевых обществах вообще. Поэтому, соглашаясь с исследователями в том, что сабля является, прежде всего, оружием конного воина, следует полагать, что на Тянь-Шане войска кочевых племен монгольского времени охотнее применяли сабли, чем мечи.

О том, что население Тянь-Шаня рассматриваемого времени пользовалось саблями, свидетельствуют находки металлической гарнитуры от пяти наборных поясов с характерными обоями для подвешивания ножен длинноклинка оружия [Акматов, 2017, с. 79].

Судя по отдельным случайным находкам, у населения региона развитого Средневековья были в употреблении разные типы булав и топоров (рис. 5) [Акматов, 2017, с. 79–81]. Об их популярности в среде войск Чингизидских государств свидетельствуют изобразительные, письмен-

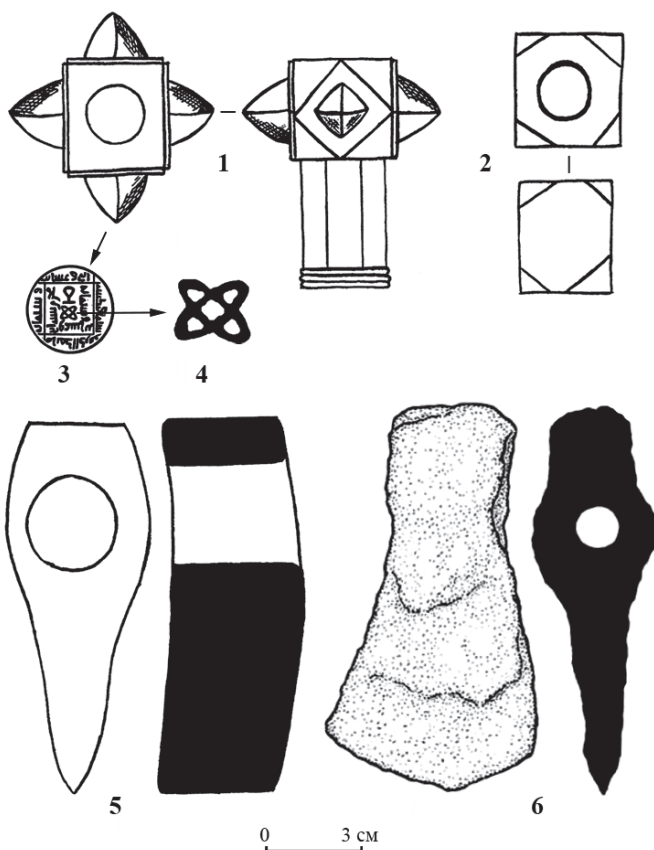

Рис. 5. Предметы вооружения ближнего ударного боя (1, 2, 5, 6) из случайных сборов и дирхем 1-й половины XIII в. с изображением тамги в виде навершия булавы (3–4) (1, 2, 5 – по: [Камышев, 2004, рис. 1–3]; 3, 4 – по: [Давидович, 1972, рис. 1.-1, 3]; 6 – по: [Худяков и др., 2014, рис. 2.-2])

ные источники и вещественные находки из памятников и случайных сборов. Видимо, определенные типы булав служили в качестве почетного оружия, что хорошо подтверждается их изображениями на монетах (рис. 5.-3, 4). Один из таких предметов был случайно обнаружен на поселении XIII–XIV вв. в Чуйской долине (рис. 5.-1). Булава имеет кубовидную боевую головку с четырьмя пирамидальными шипами на боковых гранях, что делало ее смертельным оружием ближнего боя. Ею можно было нанести эффективные удары против как легковооруженного, так и облаченного в металлический доспех противника. Такой булавой, возможно, были вооружены более состоятельные воины и телохранители правителей.

Благодаря своей простой форме и дешевизне в среде рядовых воинов Тянь-Шаня были распространены булавы в виде многогранника, один экземпляр которого входит в состав коллекции оружия из Караджигачского поселения (рис. 5.-2). О том, что такая булава была характерна именно для рядовых воинов, свидетельствует и сам материал, из которого она сделана, – железо. По боевому качеству это оружие несколько уступало предыдущему экземпляру, однако оно также могло применяться универсально – как против бездоспешного, так и тяжеловооруженного противника.

Судя по отдельным случайным находкам, население Тянь-Шаня монгольского времени использовало боевые топоры разных типов (рис. 5.-5–6). Они являлись эффективными средствами как против незащищенного металлическим доспехом противника, так и тяжеловооруженного воина. По своей форме изделия отличаются от известных боевых топоров из других территорий бывших Чингизидских государств. Однако из этого нельзя делать вывод о том, что такие топоры характерны для Тянь-Шаня, поскольку близкие по форме изделия встречаются в материалах разных культур и эпох. Рассматриваемые боевые топоры могли использоваться и в хозяйственных целях, и как походный инструмент.

Оружием рукопашного боя и для добивания раненого врага кочевникам Тянь-Шаня служили железные боевые ножи и кинжалы (рис. 6.-1–4) [Акматов, 2017, с. 82–85]. Они также были необходимым инструментом в домашнем хозяйстве и в походном быту. Судя по материалам погребений, ножами и кинжалами были вооружены не только мужчины, но и женщины. Отметим, что четыре кинжала из пяти происходят из женских погребений, где в трех случаях они заменяли «едовые» ножи, а в одном погребении кинжал был обнаружен вместе с коротким однолезвийным клинком.

Короткие клинки хранились в деревянных и кожаных ножнах, остатки которых были обнаружены в погребениях. Судя по изобразительным источникам, они носились заткнутыми за пояс или кушак на правом или левом боку воина, слегка наклонно, рукоятью вверх [Горелик, 2002, с. 63]. Иногда кинжалы в ножнах подвешены к поясу с помощью ремешка. Вполне возможно, что боевой нож или кинжал являлся принадлежностью костюма кочевников Тянь-Шаня, как это известно по раннесредневековым изобразительным и этнографическим источникам.

Для защиты корпуса воины Тянь-Шаня в монгольское время применяли ламеллярный панцирь и кольчугу (рис. 6.-5–6) [Акматов, 2017, с. 85–91]. Из-за фрагментарности находок судить об их покрое сложно. Но сам факт наличия двух видов металлических защитных средств весьма показателен. Ламеллярный панцирь, набранный из удлиненно-прямоугольных железных пластин, обладал довольно высоким защитным качеством, хотя, возможно, был тяжелым и менее гибким. Кольчуга, наоборот,

отличается удобством и гибкостью, но уступала по надежности. Поэтому иногда под ламеллярный панцирь надевалась кольчуга или под кольчугу – мягкий доспех.

Изготовление ламеллярного панциря и кольчуги – весьма трудоемкий процесс. Поэтому, скорее всего, большинство воинов Тянь-Шаня монгольской эпохи не имели индивидуальной металлической защиты. К тому же в это время большинство городов и крупных поселений с ремесленными мастерскими в долинах Тянь-Шаня из-за враждебной политики Чингизидов в отношении оседлого населения и их междоусобиц пришли в упадок. Поэтому логично предположить, что металлическими доспехами были вооружены отдельные богатые воины и командиры отрядов и те, кому посчастливилось обзавестись ими во время успешных походов. Большинство рядовых воинов, скорее всего, в силу доступности применяли мягкий доспех из кожи, войлока и т.д.

Таким образом, представленный археологический материал позволяет сделать вывод о том, что основная часть войск кочевников Тянь-Шаня в монгольское время состояла из легковооруженных всадников, главным оружием которых были лук и стрелы, боевые ножи, кинжалы. Часть воинов могла обладать длинным клинком, прежде всего саблей, и (или) булавой, и (или) боевым топором. Практически каждый кочевник, имеющий скот в своем распоряжении, мог изготовить для себя доспех из мягкого материала. Более состоятельные воины имели металлическую защиту: ламеллярный панцирь, кольчугу (рис. 7).

Не только фрагментарность находок металлической защиты, но и полное отсутствие в памятниках находок копий – главного оружия тяжелой кавалерии – не позволяет выделить в составе войск кочевников Тянь-Шаня монгольского времени отдельные отряды тяжеловооруженной конницы.

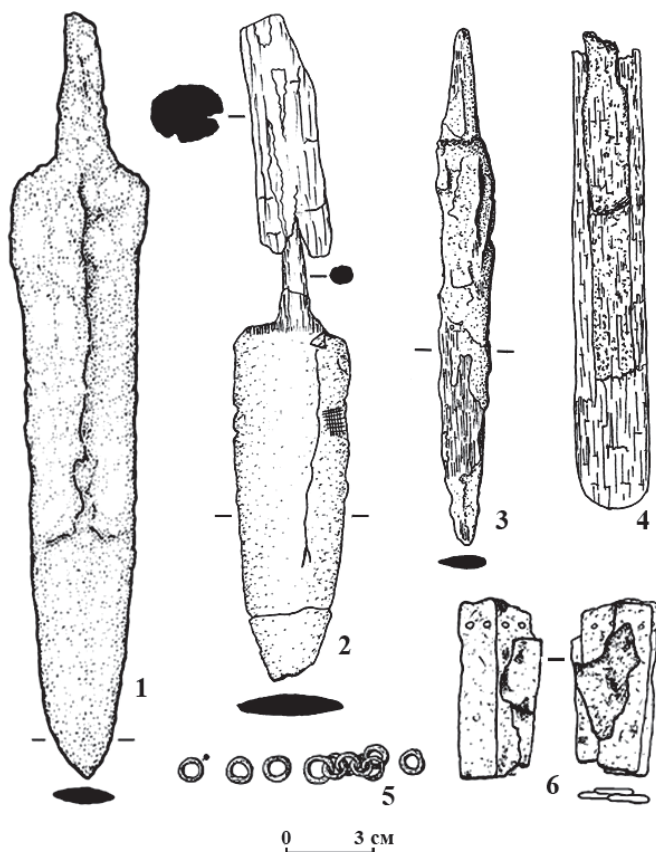

Рис. 6. Железные кинжалы (1–2), ножи (3–4), кольца кольчуги (5) и панцирные пластины (6) из погребений: 1–5 – рисунок выполнен авторами; 6 – по: [Худяков и др., 2014, рис. 2.-1])

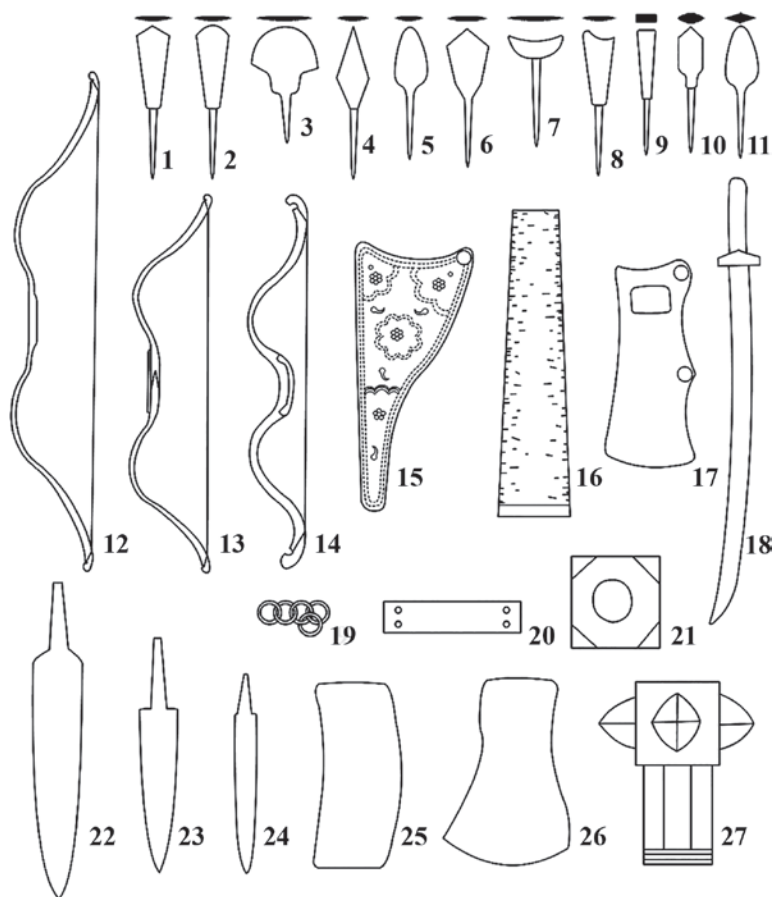

Рис. 7. Комплекс вооружения кочевников Тянь-Шаня XIII–XIV вв.
(по археологическим данным) (рисунки находок выполнены К.Т. Акматовым)

На основе имеющихся в нашем распоряжении вещественных находок, с учетом данных изобразительных источников (иранские и среднеазиатские миниатюры, каменные изваяния из Монголии), нами была предпринята реконструкция внешнего облика легковооруженного воина (рис. 8).

Воин одет в длинный, до середины голени халат с глубоким правосторонним запахом, т.е. более широкая левая пола налегает на правую и застегивается с помощью завязок на правом боку. Рукава длинные и узкие. На подоле сзади сделан разрез для удобства при посадке в седло. Благодаря узости стана и рукавов, глубокому запаху и наличию разреза в подоле такой халат был максимально приспособлен к кочевому быту, а по данным китайских источников – удобен в военных походах [Прыткова, 1961, с. 237–239; Сычев, 1977, с. 43; Лобачева, 1979, с. 35; Лантратова и др., 2002, с. 20, 143]. Не случайно его связывают с кочевой традицией [Горелик, 1979, с. 58], что подтверждается данными изобразительных, письменных источников и реальными текстильными находками из погребений Монголии, Китая и Золотой Орды [Горелик, 2010, с. 16–79; Хрипунов, 2002, с. 363–393; 2013, с. 233–272].

На голове воина изображена мягкая войлочная шапка с околышем и с широким назатыльником, закрывавшим шею. Такие головные уборы с разными вариациями были широко известны у центрально-азиатских кочевых народов Средневековья и этнографической современности [Вайнштейн, 1991, с. 166–169; Баяр, 2002, с. 167–178; Горелик, 2002, с. 17].

На ногах реконструируемого воина мягкие сапоги с длинными голенищами и многослойной кожаной подошвой с заостренным и загнутым вверх носком. Именно так могла выглядеть обувь, положенная в погребение 144 могильника Таш-Башат в Таласской долине, от которой до наших дней сохранились 5–7-слойные кожаные подошвы [Винник, 1963, рис. 7].

На талии воина изображены два пояса: саадачный и клинковый. Первый, застегнутый на крючок, имеет довольно узкую поясную ленту из кожи или ткани и три костяные обоймы, на которых с левой стороны подвешено кожаное налучье с луком, а с правой – берестяной колчан со стрелами, помещенными наконечниками вверх. На клинковом поясе, реконструированном по металлической garniture из ташбашатского погребения, на левом боку воина с помощью двух ремешков подвешена слабоизогнутая сабля в деревянных ножнах, а на правом – железный нож (на рисунке он не виден, поскольку воин изображен вполборота) и кожаная сумочка, в которой хранились кресало, кремь, оселок и другие мелочи (рис. 8).

Таким образом, несмотря на отсутствие в погребениях отдельных видов оружия и фрагментарность других, имеющийся к настоящему времени археологический материал позволил охарактеризовать комплекс вооружения населения Тянь-Шаня в монгольское время и реконструировать облик легковооруженного воина.

Библиографический список

Акматов К.Т. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 236 с.

Баяр Д. Иконографические и художественные особенности каменных изваяний средневековых монголов // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2002. С. 167–178.

Рис. 8. Реконструкция облика легковооруженного воина XIII–XIV вв. на Тянь-Шане (по материалам погребений и изобразительных источников) (выполнена К.Т. Акматовым)

- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М. : Наука, 1991. 296 с.
- Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе : Изд-во АН КиргССР, 1963. С. 79–93.
- Горелик М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М. : Наука, 1979. С. 49–69.
- Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М. : ООО «Восточный горизонт», 2002. 84 с.
- Горелик М.В. Введение в историю раннего монгольского костюма X–XIV века (по изобразительным источникам) // Батыр. 2010. №1. С. 16–79.
- Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М. : Наука, 1972. 181 с.
- Камышев А.М. Оружие ближнего боя с городища Кара-Джигач // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 83–85.
- Кибиров А.К. Научный отчет Тянь-Шанского археологического отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции за 1953 г. Фрунзе, 1954 // Отдел рукописей и публикаций АН Республики Кыргызстан. Инв. №1575.
- Книга Марко Поло. М. : Географгиз, 1955. 376 с.
- Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. М. : Гос. исторический музей, 2002. 238 с.
- Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М. : Наука, 1979. С. 18–48.
- Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 227–328.
- Сычев В.Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (к проблеме классификации) // Советская этнография. 1977. №3. С. 32–46.
- Табалдиев К.Ш. Эволюция погребального обряда кочевников Внутреннего Тянь-Шаня в средние века : дис. ... канд. ист. наук. Приложение к диссертации. Бишкек, 1994. 349 с.
- Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек : V.R.S. Company, 2011. 320 с.
- Хрипунов Н.В. Одежда знати великой империи монголов в 1207–1266 гг. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. С. 363–393.
- Хрипунов Н.В. Монгольская одежда знати Золотой Орды в 1266–1312 гг. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 6. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 233–272.
- Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Коллекция средневекового оружия из музея «Манас Ордо» в Таласской долине Кыргызстана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 197–208.
- Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š. Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Süttü-Bulak, Raj., Kočkorka, Kyrgyzstan // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 1997. Band 3. Pp. 513–570 (на нем. яз.).
- Arab Archery. An Arabic manuscript of about A.D. 1500 “Book on the Excellence of the Bow and Arrow” and the Description thereof. Translated by N.A. Faris and R.P. Elmer, 1945 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archerylibrary.com/books/faris-elmer/arab-archery/> (дата обращения 12.12.2014) (на англ. яз.).
- Hall Andrew and Farrell Jack. Bows and Arrows from Miran. Originally published in the Journal of The Society of Archer-Antiquaries. №51. 2008. Pp. 89–98. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atarn.org/chinese/miran/Bows%20and%20Arrows%20from%20Miran.html> (дата обращения 23.02.2015) (на англ. яз.).
- Selby Stephen. Two Late Han to Jin Bows from Gansu and Khotan. Originally published as ATARN Newsletters in April and September 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.atarn.org/chinese/khotan_bow.htm (дата обращения 12.02.2015) (на англ. яз.).

References

Akmatov K.T. Vooruzhenie i konskoe snaryazhenie kochevnikov Tyan'-Shanya v mongol'skoe vremya : dis. ... kand. ist. nauk [Armament and Horse Equipment of Nomads of the Tien Shan in Mongolian Time: dis. ... Cand. Hist. Sciences. Novosibirsk, 2017. 236 p.

Bayar D. Ikonograficheskie i khudozhestvennye osobennosti kamennykh izvayaniy srednevekovykh mongolov [Iconographic and Artistic Features of Stone Sculptures of Medieval Mongols]. Tsentral'naya Aziya i Pribaykal'e v drevnosti [Central Asia and the Baikal Region in Antiquity]. Ulan-Ude : Izd-vo Buryat. un-ta, 2002. Pp. 167–178.

Vaynshteyn S.I. Mir kochevnikov tsentra Azii [World of Nomads of the Center of Asia]. M. : Nauka, 1991. 296 p.

Vinnik D.F. Tyurkskie pamyatniki Talasskoy doliny [Türkic Monuments of the Talas Valley]. Arkheologicheskie pamyatniki Talasskoy doliny [Archaeological Monuments of the Talas Valley]. Frunze : Izd-vo AN KirgSSR, 1963. Pp. 79–93.

Gorelik M.V. Sredneaziatskiy muzhskoy kostyum na miniatyurakh XV–XIX vv. [Central Asian Men's Costumes of the 15th–19th Centuries in Miniatures]. Kostyum narodov Sredney Azii. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Costume of the Peoples of Central Asia. Historical and Ethnographic Essays]. M. : Nauka, 1979. Pp. 49–69.

Gorelik M.V. Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie. Voin-skoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie [Army of Mongol-Tatars of the 10th–14th Centuries. Military Art, Equipment, Weapons]. M. : OOO "Vostochnyy gorizont", 2002. 84 p.

Gorelik M.V. Vvedenie v istoriyu rannego mongol'skogo kostyuma X–XIV veka (po izobrazitel'nyim istochnikam) [Introduction to the History of the Early Mongolian Costume of the 10th–14th Century (according to Visual Sources)]. Batyr. 2010. №1. Pp. 16–79.

Davidovich E.A. Denezhnoe khozyaystvo Sredney Azii posle mongol'skogo zavoevaniya i reforma Mas'ud-beka (XIII v.) [Monetary Economy of Central Asia after the Mongol Conquest and the Reform of Mas'ud-bek (13th Century)]. M. : Nauka, 1972. 181 p.

Kamyshev A.M. Oruzhie blizhnego boya s gorodishcha Kara-Dzhigach [Close Combat Weapon from the Kara-Jigach Settlement]. Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Military Affairs of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Novosib. gos. un-t, 2004. Pp. 83–85.

Kibirov A.K. Nauchnyy otket Tyan'-Shanskogo arkheologicheskogo otryada Kirgizskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii za 1953 g. Frunze, 1954 [Scientific Report of the Tien-Shan Archaeological Team of the Kirghiz Complex of Archaeological and Ethnographic Expedition for 1953 Frunze, 1954]. Otdel rukopisey i publikatsiy AN Respubliki Kyrgyzstan. Inv. №1575 [Department of Manuscripts and Publications of the Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. Inv. №1575].

Kniga Marko Polo [The Book of Marco Polo]. M. : Geografiz, 1955. 376 p.

Lanratova O.B., Golikov V.P., Orfinskaya O.V., Vladimirova O.F., Egorov V.L. Issledovanie unikal'nykh arkheologicheskikh pamyatnikov iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya – kompleksov odezhd XIII–XIV vv. [Research of Unique Archaeological Monuments from the Collection of the State Historical Museum – Complexes of Clothes of the 13th–14th Centuries]. M. : Gos. istoricheskiy muzey, 2002. 238 p.

Lobacheva N.P. Sredneaziatskiy kostyum rannesrednevekovoy epokhi (po dannym stennykh rospisey) [Central Asian Costume of the Early Medieval Epoch (according to the Data of Wall Paintings)]. Kostyum narodov Sredney Azii. Istoriko-etnograficheskie ocherk [Costume of the Peoples of Central Asia. Historical and Ethnographic Essays]. M. : Nauka, 1979. Pp. 18–48.

Prytkova N.F. Verkhnyaya odezhda [Outer Clothing]. Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri [Historical-Ethnographic Atlas of Siberia]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1961. Pp. 227–328.

Sychev V.L. Iz istorii plechevoy odezhdy narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Azii (k probleme klassifikatsii) [From the History of the Shoulder Clothing of the Peoples of Central and East Asia (to the Problem of Classification)]. Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. 1977. №3. Pp. 32–46.

Tabaldiev K.Sh. Evolyutsiya pogrebal'nogo obryada kochevnikov Vnutrennego Tyan'-Shanya v srednie veka : dis. ... kand. ist. nauk. Prilozhenie k dissertatsii [Evolution of the Funeral Rite of the Nomads of the Inner Tien Shan in the Middle Ages: Dis. ... Cand. Hist. Sciences. The Appendix to the Dissertation. Bishkek, 1994. 349 p.

Tabaldiev K.Sh. Drevnie pamyatniki Tyan'-Shanya [Ancient Monuments of the Tien Shan]. Bishkek : V.R.S. Company, 2011. 320 p.

Khripunov N.V. Odezhda znati velikoy imperii mongolov v 1207–1266 gg. [Clothes of the Nobility of the Great Mongol Empire in 1207–1266]. Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Vyp. 5 [The Golden Horde Civilization. Issue. 5]. Kazan' : In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2002. Pp. 363–393.

Khripunov N.V. Mongol'skaya odezhda znati Zolotoy Ordy v 1266–1312 gg. [Mongolian Clothing of the Nobility of the Golden Horde in 1266–1312]. Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Vyp. 6 [The Golden Horde Civilization. Issue 6]. Kazan' : In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2013. Pp. 233–272.

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvityego srednevekov'ya [Armament of the Central Asian Nomads in the Era of the Early and Developed Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 190 p.

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova Zh. Kolleksiya srednevekovogo oruzhiya iz muzeya "Manas Ordo" v Talasskoy doline Kirgystana [Collection of Medieval Weapons from the Museum "Manas Ordo" in the Talas Valley of Kirgystan]. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. T. 13, vyp. 5: Arkheologiya i etnografiya [Vestnik of NSU. Series: History, Philology. 2014. Vol. 13, no. 5: Archaeology and Ethnography]. Pp. 197–208.

Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š. Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Süt-tü-Bulak, Raj. Kočkorka, Kirgystan. Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 1997. Band 3. Pp. 513–570 (in German).

Arab Archery. An Arabic manuscript of about A.D. 1500 "Book on the Excellence of the Bow and Arrow" and the Description thereof. Translated by N.A. Faris and R.P. Elmer, 1945 [Electronic Resource]. URL: <http://www.archerylibrary.com/books/faris-elmer/arab-archery/> (in English).

Hall Andrew and Farrell Jack. Bows and Arrows from Miran. Originally published in the Journal of The Society of Archer-Antiquaries. №51. 2008. Pp. 89–98 [Electronic Resource]. URL: <http://www.atarn.org/chinese/miran/Bows%20and%20Arrows%20from%20Miran.html> (in English).

Selby Stephen. Two Late Han to Jin Bows from Gansu and Khotan. Originally published as ATARN Newsletters in April and September 2002 [Electronic Resource]. URL: http://www.atarn.org/chinese/khotan_bow.htm (in English).

K.T. Akmatov, K.Sh. Tabaldiev

THE COMPLEX OF ARMS OF THE TIEN SHAN NOMADS IN THE MONGOL EPOCH (a case study of archaeological materials)

The paper, on the basis of material evidence from burials and random finds with account of pictorial sources, characterizes the complex of arms of the Tien Shan nomads in the Mongol Epoch and gives the reconstruction of the figures of light-armed warrior. The scantiness of the arms in the burials of the region is noted. The description is given to their composition and the conditions of their locations in the burials. The conclusion is made that the main part of the nomadic army of the Tien Shan people in the Mongol Epoch consisted of light-armed horse troops armed with bows and arrows, knives, daggers. There were used three types of composite bows with armor-piercing, cross functional arrowheads and arrowheads against unarmored enemies. The last ones with flat cross-sections were in widespread use. The bulk of the soldiers could be armed with sabers, maces and battle-axes. Judging by pictorial sources and findings of the sword-belt's metallic parts complexes, the saber served as a principal close combat weapon. The nomadic warriors in the region used different kinds of defensive weapon such as lamellar armor, chain mail and armors made of soft materials (felt, leather etc.). It is assumed, that owing to availability of the materials, armors from soft materials were more widespread than armors made of metal. The most practical effect of the research is the graphic reconstruction of the light-armed warrior.

Key words: Mongol Epoch, Tien Shan, burials, arms, munitions, reconstruction of the light-armed warrior.